

ГЕОРГИЙ БАЖЕНОВ

**ЖИЗНЬ – НЕ РАЙ.
ЖИЗНЬ
ЛУЧШЕ РАЯ**

СОКРОВЕННОЕ

Москва
«Книга по Требованию»
2015

ББК 84(2Рос-Рус)6

Б 16

Баженов Г. В.

Б 16 Жизнь — не рай. Жизнь лучше рая. *Сокровенное*. — М.: Книга по Требованию, 2015. — 496 с.

ISBN 978-5-7117-0063-0

Книга Георгия Баженова «Жизнь — не рай. Жизнь лучше рая» — это наиболее сокровенные произведения писателя, созданные им за тридцать пять лет работы в литературе. Сокровенные — значит несущие в себе всё самое выстраданное и заповедное, что являют собой душа и сердце писателя.

Читайте и наслаждайтесь, дорогие друзья.

ISBN 978-5-7117-0063-0

© Баженов Г. В., 2008

© Издательство

«Книга по Требованию», 2015

ДРУЗЬЯМ ДЕТСТВА

*Владимиру Тельминову,
Виктору Колюхову,
Валерию Сомову и
Владимиру Федюнину*

МЕЧ МЕЖДУ МНОЙ И ТОБОЙ

ТЕЛЕФОННЫЙ РОМАН

Опять приехал Петр. Третий год он приезжает в Москву, снимает квартиру, два-три месяца живет свободно, водит ее в театры, в кино, в рестораны, никогда не хамит, даже если она бывает у него дома, всегда спокойный, внимательный, выдержанный, так и веет от него порядочностью и честностью. Но ей с ним скучно.

Петр живет в Мурманске. Она знает, что он моряк, но никогда не спрашивает его о работе; в год их знакомства, когда ей исполнилось семнадцать лет, он, видимо, несколько не рассчитал, много рассказывал о своих плаваниях, и главное, что она уяснила, это его вечная тоска по суше и вечная боль от измены жены: пока он плавал, жена увлеклась его лучшим «другом», которого он с тех пор вычеркнул из своей жизни. Ей было семнадцать лет, и она скучала, слушая про измены, про работу, ни того, ни другого она еще не знала, ей с самого начала показалось скучно разговаривать с ним, верней — скучно слушать его житейски-будничные рассказы, и если она потянулась к нему, то только по одной причине:

он был взрослый, на тринадцать лет старше ее, и, несмотря на это, признал ее тоже взрослой, такое с ней случилось впервые. Ребята-ровесники казались ей маленькими, а потому глупыми и грубыми, а может, наоборот — они были глупые и грубые, а потому — маленькие, в общем — с ними ей не было интересно, хотя в общении с ними она и была сама собой — раскованная, веселая, даже нахальная немного, немного хамовитая, немного развязная, но это оттого, что с ними она была как рыба в воде, в своей стихии; другое дело, что они не интересовали ее как мужчины, как представители «мужской половины», к которой ее тянуло давно, тревожно и неудержимо. Но взрослые мужчины еще, как говорится, не вгляделись в нее, к семнадцати годам она, в отличие от своих подруг, была больше девочкой, чем девушкой, и вот случайно в парке познакомилась с Петром, который почувствовал в ней нарождающуюся женственность, был ее первооткрывателем. Он тогда решил про себя: я подожду, буду ждать год, два, сколько угодно, из этой девочки вырастет женщина, которая будет предана мне, я воспитаю ее, она будет только моей, это не то что связываться с женщиной, которая давно идет отравленным житейским путем, которая не ведает ни чистоты, ни святости, а думает лишь о деньгах и тайных утехах, — к черту все. Вот из этой девочки и получится настоящая жена, я подожду.

Он приручил ее к себе. Познакомился с родителями, официально вошел в семью как жених и будущий муж и вот приехал снова, такой уравновешенный, спокойный, порядочный, приехал, чтобы

наконец увезти ее с собой в Мурманск — после свадьбы, которая должна состояться через месяц.

А ей было скучно с ним.

И когда он обнимал ее или целовал (теперь это позволялось), она ничего не испытывала, кроме легкого отвращения к самой себе, и руки ее, которые невольно поднимались и ответно обвивали его шею, были безжизненны и вялы. Он не обижался, не тревожился, не корил ее, принимая холодность за неопытность и чистоту, она еще не женщина, думал он, откуда быть страсти, нежности, томности, все впереди, он даже радовался про себя: Господи, в наше время, когда черт знает что творится кругом, — и такая неискушенность, чистота, двадцать лет, а как ребенок, ей-богу, и сколько счастья, должно быть, ожидает их в семейной жизни, когда она проснется, отзовется на его любовь и будет верна ему, потому что с самого начала он не сделал ни одной ошибки, не оскорблял, не унижал, не принуждал ее ни к чему, а в женщине, верил он, долгие годы, если не всю жизнь, живет воспоминание-благодарность или воспоминание-унижение от того, как ей пришлось стать женщиной. В это он верил свято.

И только в одно не мог поверить: что ей с ним скучно. Мужчина, моряк, столько всякого пережил, рассказывает ей подробно, долго, а она вдруг скажет: «Опять об этом. Скучно, Петя». О каком-нибудь трудном плавании он рассказывает так, что самому становится не по себе: и гордость за товарищей, и жалостливое участие к ним переполняют душу, а она опять, в самый неожиданный момент: «Скучно, Петя». Даже если о загранице начинает

говорить, о Дании, Японии, Индии, всего себя неизменно выворачивает, она остановится, посмотрит на него: «Япония или Индия — ты только о себе рассказываешь, о своей тоске. Неинтересно все это, Петя...» И что больше всего поражало Петра — несоответствие ее образа, который жил в его душе, и этих пустых, взрослых, безразличных глаз, которыми смотрела на него двадцатилетняя девушка. Или он чего-то не понимал в ней?

Она была чиста и непорочна, думал он, отсюда внешняя холодность, просто она не проснулась, она еще спит, слава Богу, именно такая жена и нужна ему: он, только он должен пробудить ее к чувственной женской жизни, и тогда судьба неминуемо наградит их семейным счастьем.

В семнадцать лет она еще училась в школе, а теперь, в двадцать, работала секретарем-машинисткой в райздравотделе. Все это не имело, конечно, никакого значения: через месяц они уедут в Мурманск, Петр будет плавать третьим помощником капитана, она станет домохозяйкой, а если захочет — поступит в медицинский (Петр ей поможет): у нее всегда была мысль, не мечта, а именно мысль — стать врачом, желательно детским, отчасти потому она и работала в райздравотделе — чтобы помогли при поступлении в институт, снабдили всякими справками, характеристиками и рекомендациями (что ей и обещали, конечно). Работала она хорошо, отличалась грамотностью и исполнительностью, не была ни кокетливой, ни развязной с посетителями, скромная, сдержанная, для кого-то даже симпатичная, а в общем — обыкновенная, но

приятная на вид, с мягкой нежной улыбкой, с задумчивыми серо-голубыми глазами, с опаленными белесостью легкими пушистыми волосами, которые после мытья сами собой вились, рассыпаясь по спине влажными отяжелевшими волнами.

Казалось, весь облик ее источал мягкость и нежность, и это было гораздо важнее красоты, яркости, броскости — в облике ее читался как бы видимый залог того, что из нее вырастет верная, сердечная жена, не способная ни ко лжи, ни к лицемерию, ни к тайной корысти, ни к умерщвляющему душу эгоизму.

Звали ее Аленой.

В тот вечер Алена лежала у себя в комнате поверх одеяла прямо в платье, то ли скучала, то ли грустила, слушала пластинки, которых у нее было несметное количество, — подарки Петра: нравились ей Элвис Пресли, Луи Армстронг, Элла Фицджеральд и все остальное в таком же духе: грустное, затаенно-чувственное. Душа ее, когда она слушала Элвиса Пресли, исходила непонятным томлением: кажется, все уже решено, вся жизнь впереди известна и понятна (она выходит замуж), но в то же время...

Зазвонил телефон. Алена, не вставая, лениво протянула руку (уверенная, что это Петр), подняла трубку:

— Алло?

— Сколько время?

— Что-что? — не поняла Алена.

— Сколько время, тетя?

— Алло, кто это? — растерялась Алена, не понимая, кому может принадлежать детский голос.

И в это же время начала быстро вспоминать, у кого из родственников есть маленькие дети.

— Тетя, ско-о-олько время?

— Не «сколько время», — поправила Алена, — а «который час».

— Ну-у, сколько время, тетень-ка-а?..

Алена взглянула на часы.

— Восемь часов десять минут. Алло, а кто это?

— Это Алик. Спасибо, тетенька. А вы где, тетя, в телефоне сидите, да?

— Нет, не в телефоне, — улыбнулась Алена. — А кто ты такой, Алик? Чей?

— Я еще маленький. Папа Алексей, а мама Марина у меня, знаете?

— Алексей и Марина... — задумалась Алена. — Нет, не знаю.

В трубке послышалась как бы легкая борьба, детский писк: «Ну, папка... У, папка, плохой какой-то... не буду тебя любить...» — и раздался густой мягкий голос:

— Алло...

— Да, да!

— Девушка, извините, пожалуйста. Сын балуется телефоном, видно, случайно набрал ваш номер. Без конца «сто» набрать хочет — время узнать, а получается Бог знает что...

— Да ничего, ничего, — поспешила Алена. И почувствовала: ей хочется еще и еще слышать этот голос, было в его звучании что-то приятное, волнующее.

Он замешкался на секунду. А она словно ждала дальнейшего разговора, не клала трубку.

— Вы любите Элвиса Пресли?.. Я слышу, он поет у вас.

— Люблю, — ответила она.

— Похоже, у нас с вами одинаковые вкусы... — Голос его зазвучал несколько игриво (говорить хоть что, лишь бы говорить, лишь бы не оборвалась ниточка разговора). — А знаете что, — вдруг с подъемом предложил он, — давайте познакомимся? Это ведь интересно — познакомиться вот так, по телефону. Как вас зовут?

— Но ведь вы женаты, — сказала она.

— А вы, значит, не замужем? — Чувствовалось, он там улыбается. — Приятная новость.

— Не радуйтесь. Через месяц у меня свадьба.

— Поздравляю! Значит, будем с вами на равных: вы — жена, я — муж.

— С одной лишь разницей: вы — не мой муж, я — не ваша жена.

— Именно поэтому нам и надо познакомиться. Терять ведь нечего, чего тогда бояться?

— Странный вы какой-то... Сидите у себя дома, рядом сын...

— ...и жена рядом. На кухне.

— Вот видите, и жена дома, а вы хотите познакомиться с неизвестной девушкой.

— А вы ведь тоже не против хотя бы поболтать со мной. Если бы не так — вы бы давно бросили трубку.

— Ну, я... Я, может, из любопытства, может, мне делать нечего, я ведь ничем не рискую... Вы не знаете, кто я, где я, и никогда не узнаете. Мне можно и поболтать с вами. А вот у вас рядом сын, жена... Как это вы не боитесь, ей-богу?

— Если ваш муж будет бояться вас, а вы — его, лучше сразу забудьте о свадьбе.

— Ну, не в том смысле, что прямо бояться... Вам же должно быть совестно, что вы при жене заводите такие разговоры...

— А мне не совестно, я ничего плохого не делаю. И скажу вам откровенно, — он стал говорить тише, — скоро сюда войдет жена, и, если вы сейчас не дадите свой телефон, мы навеки расстанемся. А зачем? Какой смысл? Почему бы нам не поболтать иногда? Дружески так, а? Кстати, жена моя уже идет... — Он перешел почти на шепот.

Несколько секунд Алена колебалась, потом, будто перед глубоким нырком, вздохнула и назвала номер телефона.

— Запомните? — спросила насмешливо.

— Склерозом пока не страдаю. А как вас зовут?

— Алена.

— А меня Алексей.

— Я знаю. Ваш сын назвал вас. И вашу жену. Так что если что, буду жаловаться Марине...

Он позвонил ей через несколько дней. Она, честно говоря, уже не ждала его звонка. Если бы он хотел, то позвонил бы сразу на другой день. А сегодня, видно, делать нечего — вот и вспомнил о ее существовании.

Она разговаривала с ним сухим тоном, гораздо суше, чем в первый раз.

Он спросил:

— Вы что, обижаетесь на меня?

— Разве я уже могу, — она подчеркнула «уже», — обижаться на вас?